
Леонид Левинзон

Таджикистан—90

Рассказ

Проблем не было. Изо дня в день вставал главный таджик — солнце и освещал свою вотчину: мир горных хребтов, черноволосых крепких мужчин с их женщинами и растущие желтые дыни. Именно сюда северная бледная страна, оглушив себя лозунгами борьбы с чужой детской смертностью, направила бригады врачей, оторвав их от привычной жизни. И вот, трое молодых мужчин и светловолосая голубоглазая девушка-медсестра сидят в поезде, готовые к длительному путешествию. Поезд дергает, за окном натягивается и рвется перрон, и пузатое, сверху кокетливое со шпилем здание железнодорожного вокзала грозно сдвигается, пытаясь складами по бокам зацепить, задержать, но поезд вырывается и победно гудит, ликуя.

— Бу-ульк, — произнес один, погладил пышные черные усы и вытащил бутылку, — бу-ульк, — притворно вытаращил глаза, — кто-нибудь знает, что за благородная красавица с нами едет?

Блондинка потупилась.

— А позвольте спросить, Александр Гаврилович? — проявился второй. — Вас случаем не жена провожала?

— Игорь, будь умным! — одернул его черноусый, — и залиvisto захохотал. — Конечно, жена. Но она же осталась! Лёха, скажи ему!

Дверь открылась, и вошел форменный с сурово требовательными глазами. Пуговицы желтые, фуражка с кокардой, брюки мятые, темные, мужскую силу скрывают. Сел на краешек, раскрыл нечто кожаное внушительное и начал рассматривать на свет, прокалывать специальной штукой дырочки и рассовывать плотные картонки билетов по узеньким кармашкам таинственного грессбуха.

Обвел глазами:

— Командированные? И куда?

Ответили вразнойбой.

Через несколько часов солнце скрылось, и поезд мчался в темноте. В его окошках, как на детской картинке, горел свет, и те, кто видел поезд, своим опытом, конечно, догадывались, как стелются на раскатанные матрасы тонкие влажные простыни, поглощается снедь, пьется горькая водка, и кондукторша с подносом чая

Леонид Левинзон родился в 1958 году. Закончил медицинский институт в Санкт-Петербурге, работает в медицинском центре. Лауреат «Русской премии» 2010 года за малую прозу. Печатался в журналах «Октябрь», «Иерусалимский журнал» и др. Живет в Иерусалиме. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

торопится по проходу. Как какой-нибудь маленький мальчик, лежа на верхней полке, закрывшись от вагонного света ладошками, зачарованно смотрит в ночь, может, впервые познавая всю прелесть непрерывного движения вперед.

Газик без боковых стекол долго трясся, и пыль забивала горло, пока наконец не въехали в застывший, как на снимке, кишлак — дувалы, слепые дома, и даже в арыке вода остановилась. Людей не видно.

— А где больничка-то?

— Да вот, вот...

Здание нелепым углом упиралось в дорогу. Над дверью вывеска — «Фельдшерско-акушерский пункт».

Навстречу в национальном халате человек сбежал — рука у сердца:

— Салам алейкум, сюда, сюда...

Завёл: прохладная комната, на ковре подушки, поднос с пиалами, серый колотый сахар.

— Подождите, а прием?

— Э-э-э, доктор... Жизнь такой долгий, работать всегда успеешь...

Неуловимо сдвинулся, наклонился выжидающе. В руках кувшин с водой для мытья рук, с плеча полотенце виснет, и непоколебимое спокойствие в глазах.

На обратном пути заехали по вызову: за железной дверью дома-крепости торжественно спускались тяжелые гроздья винограда, в одной из комнат, укрытый марлей, ребенок на одеяле.

Игорь снял марлю, ахнул: скелет, живой скелет, мухи выются.

Местная Шехерезада в платке:

— Ну что?

— Почему вы не обращались?!

Нет ответа.

— Я немедленно забираю.

Поднял вместе с одеялом, тельце совсем ничего не весит, побежал к машине.

— Скорее, скорее, — торопил водителя по дороге, — скорее!

В больнице допоздна сидел — возмещал, вводил. Наконец, когда мальчику стало лучше, вышел. Снаружи ночь. Снаружи звезды.

— Ау, звезды...

Не откликаются.

Закурил, шагнул с порога.

В гостинице его ждали терапевт, черноусый Александр Гаврилович, и ненужный здесь Алексей Дмитриевич — не шли к мужчине-гинекологу местные женщины. Лампочка под потолком горела, со стола коньяк тень прокладывал, в открытом окне необъятный шепот.

Игорь взял бутылку:

— Таджикский...

Плеснул, попробовал — горчит пустыней.

— Неплохо. А где девушка? Спит?

Ответил развалившийся на кровати длинный худой Алексей Дмитриевич:

— Конечно. Еле отбилась от нашего Дон Жуана, — взглянул на поглаживающего усы Александра Гавриловича.

Тот коротко хохотнул:

— Ой, курить люблю! Мужики, заканчиваем?

— Я не хочу.

— Лёха?

— Нет, — с заминкой.

Ухмыльнулся:

— А ведь грех, грех оставлять...

Налил остаток коньяка, посмотрел сквозь стекло стакана на окружающих, плотнул и вытарашил глаза:

— Ох, хорош-шо! Словно боженька голыми пяточками по желудку пробежал.

А утром медленно встало, сияя роскошным животом, огромное солнце, и в реанимации ребенка, что так усиленно спасал вчера, не оказалось. Кровать есть, белье на ней, капельница с полупустым пакетом рядом, ребенка не было. Игоря бросило в жар.

Вординаторской дежуривший ночью врач ел плов. До уровня цивилизации, когда несут деньги, здесь не дошли, поэтому доктора довольствовались малым.

— Касым, где ребенок?

— Какой?

— Рахмонов, вчера поступил.

— А-а, тот... — пробормотал набитым ртом Касым. — Я его отдал.

— Как отдал? Кому?!

— Родителям. Час назад. Приехали за ним.

Игорь стал задыхаться.

— Скотина! — выговорил с трудом. — Он же на искусственном был! Так ты отключил, значит...

— Блят-т-т! — Касым выплюнул рис и вскочил на ноги, смуглые пальцы сжались в кулаки, сорвал стетоскоп. — Понаехали! Суются! Да стоит мне только слово сказать!

Через несколько минут в кабинете главврача толстый с обритой головой человек, перебирая четки и обратясь глазами неведомо куда, говорил монотонно успокаивающе:

— Игорь Владимирович, ну хватит, все не так просто — суеверия, недоверие, народные традиции... Не надо взрывать, поработаете три месяца, командировка закончится, и уедете без проблем.

Притулившийся к началу горных отрогов район вставал рано. Сначала слышался мерный шепот — то перед бесконечной работой молились Аллаху крестьяне. Немного погодя начинали сновать юркие грузовики, развозя глину для строительства домов, а в двухэтажной гостинице трезвонил будильник. Доктора нехотя поднимались, забирали с собой вчерашний мусор и спускались во двор мыться. За ними, аккуратно раскачивая свою лодочку, медсестра Света с ее теплыми упругими грудками, а потом, сидя с зеркальцем, тщательно подводила тушью кокетливые глазки. Через полчаса все вместе вышагивали на работу. Впереди самый важный Александр Гаврилович, заменивший уехавшего в отпуск главного терапевта. Черноусый доктор, кстати, оказался очень деятельным: получив отделение, немедленно приступил к наведению большого европейского порядка, запретив больным спать и есть на полу. Он кричал, врывался в палаты, стыдил, но в конце концов устал и таки занялся лечением. Вот тут ослепительной кометой и прочертил небо успех — Александр Гаврилович снял почечную колику у молодой жены председателя колхоза «Красный Таджикистан», после чего благодарный муж пригласил компанию в гости.

Посреди глиняных домов высился забор. Ворота его медленно распахнулись, сбоку угодливый дед, а внутри... о всемогущий! С деревьев падали яблоки, росли с одуряющим запахом цветы и, как точеный жираф, стояла беседка, разукрашенная затейливым орнаментом. А в центре беседки, обрамленный черным мрамором, выбивался из земли чистейший, прозрачный родник и со стоном в мраморном же ложе, пригреваемый сквозь склоненные листья винограда южным солнцем, уходил, теряясь, в сад. И лежали в нем, катаясь в воде, дыни, арбузы, коньяки, и уже варился шурбо, дразнящий запах которого разносился по окрестностям. Разлитая, разбавленная прохлада приятно успокаивала, навевала дремоту, и прилетевший откуда-то ветер шевелил листья, обдувал сидящих в беседке и заставлял волноваться пламя костра.

— Сюда даже Сам приезжал, — говорил, улыбаясь и блестя белыми зубами, председатель, разрезая дыню на дольки. — Два литра выпил, как сейчас помню. И бух в родник. Купаться, — говорит, — хочу. Еле поместился, кабан. Полощется и хрюкает. Полощется и хрюкает. Только брызги летят.

Смеется и протягивает первый кусок Александру Гавриловичу.

Тот принимает и неожиданно просит:

— Дай мне на часок твою машину покататься?

Кроме председателя в беседке еще один местный, с бородкой. К нему хозяин относится с подчеркнутым уважением. У этого, с бородкой, умный быстрый взгляд, еще белее зубы и добродушная ленивая улыбка довольного собой человека.

— Это как-то одному русскому понравилось жить у нас, — начинает байку бородатый. Руки его закинута за голову, он вытянулся на спине, глаза полузакрыты. — Взял жену таджичку, одеваться стал по-нашему, живет. Год, два, десять. Ничем уже не отличается.

Тишина. Все лежат. Слушают. Беседка четырьмя ногами стоит, пригнувшись, тоже слушает. Бутылки пустые.

— Ничем не отличается. Обрезание сделал. Детей родил. Все, как надо. Вот только одно не смог узнать: чем кулябец от ура-тюбинца отличается. Жизнь прожил, а не узнал. Помер, а не узнал.

Вечером гостей подбирают с пола, отвозят домой. Звезды яркие, крупные, в открытое окно заглядывают. Доктора крепко спят и в унисон выдыхают коньячные пары. Но вот кто-то в кровати заворочался, заскрипел пружинами, завздыхал:

— Русский-таджик, придумали тоже, мать их...

— Салам алейкум.

Люди за столом повернулись:

— Алейкум ассалам.

— Зачем пришел, доктор? — раскатывая слова, спросил сидящий во главе с круглым, чуть оплывшим лицом. — Дело есть?

— Да вот, посылаем анализы, — ответил Игорь, — а ответов нет. Ни одного за месяц.

— Разберусь, — он важно кивнул и, помедлив: — Хамедов!

Встал верзила с усами.

— Принеси-ка стул нашему русскому другу.

Показал широким жестом:

— Угощайся.

В глубокую тарелку был налит кипяток и накрошен зеленый горький-прегорький перец. Люди с куском лепешки тянулись к тарелке, макали лепешку в воду, стараясь выловить зернышки перца, и отправляли эту взрывчатку в рот. Крякали, ухали, вытирали появившиеся слезы и заливали пожар чаем. В сдерживающее жару окно виднелись пустырь и часть забора с выстроившимися около него машинами. Медленное время просачивалось через плохо заделанные щели в раме и грустно уходило за машины в пустырь.

— Ну, Джалил, — растянул круглолицый в сосредоточенной тишине, — когда барана режем?

— Завтра, — тощий старик с перевязанной головой привстал в полупоклоне и горестно пожевал губами. — Ты тоже приходи, — повернулся к Игорю.

— Салам алейкум, таджики! — раздался начальственный голос, и к ним вошел еще один, толстый, низкорослый, со шрамом на губе. Глаза низкорослого забегали-забегали, мимолетно уперлись в Игоря, он неожиданно крикнул:

— Татары, вон из Таджикистана! — и, довольно зажмурившись, засмеялся.

Небольшой, худенький человек у окна покраснел, рука его, держащая лепешку, дернулась.

— Опять ты, Рахим, — укоризненно сказал круглолицый. — Все шутки шутишь...

— Мы, таджики, народ мирный, — по-прежнему смеясь, сказал Рахим и сел в принесенное расторопным Хамедовым кресло. — Не то что наши соседи. Нам шутки шутить дозволяется, — повернулся к Игорю. — Ну, доктор? Может проблемы какие-то? Претензии? Пожелания? — Все сделаем! Все! — картинно раскинул руки.

Обратно Игоря провожал местный доктор по санитарии Абдурахман. Сухой жар плавил хилый, потрескавшийся асфальт, но через каждые несколько десятков метров стояли сооружения, напоминающие питьевые фонтанчики, в которых непрерывно текла вода.

— Я тебе так скажу, — горячно блестя глазами, говорил стройный, молодой Абдурахман, — меня держись. Я памирец! И нас здесь не так мало: анестезиолог — памирец, зам главврача — памирец...

Тряханул руку:

— Давай, приходи в гости, ладно?

Дома в гостинице гуляли. За столом кроме веселейшего Александра Гавриловича, угрюмого Алексея Дмитриевича и розово-невинной Светочки сидел огромный жирный мужик. Александр Гаврилович кричал:

— Муалим, муалим, мать твою, еще расскажи!

— Сиськи-письки — систематический, письки-сиськи — пессимистический, — жестоко уязвляя умершего Брежнева, старался мужик.

— За что пьем?

— За муалима. Муалим, — Александр Гаврилович от избытка чувств хлопнул того по спине, — к нам из Душанбе с визитом. Чучмеков учит, брит-милу им делает.

Мужик протянул руку, глянули внимательные, не гармонирующие со смехом глаза:

— Константин. Хирург. И преподаю тоже.

Налил стакан до краев, двумя пальцами приподнял и поставил ближе.

— Нет.

Стакан неожиданно схватил Алексей Дмитриевич, лицо небритое, глаза поплыли, и, как через силу, стал пить судорожными глотками. Толстое лицо Константина покрылось складками веселья:

— А теперь добавляй, добавляй...

— Заткнись, — тот икнул.

Тут внимание отвлеклось на Александра Гавриловича:

— Светочка, Светочка, — бормотал Александр Гаврилович. — Ну почему ты меня не признаешь? Хочешь, встану на колени? Богиня прелестная, дай обнять тебя по-дружески... — тянется.

— Сашка, прими!

Тот забывает о богине:

— Где?

Поднимает и обводит стаканом круг:

— Как там они говорят? Дышлы-бышлы? Салам алейкум, господа! — Опрокидывает.

Алексей в кровать повалился, скользящими движениями на себя одеяло натягивает, никак укрыться не может.

— Я когда начинал... — ностальгически расслабился Александр Гаврилович. — Разве такое могло быть?

— Заткнись. Я, когда начинал...

— Пил только спирт...

Сашка грозно сказал:

— Последний раз предупреждаю...

— Ну, дай, дай ему...

— Когда начинал, работал в одной маленькой больничке, а на дверях в приемном, — подмигнул, — поставил оч-чень умную санитарку. Только поступит мать с дитем, а она ей: «Мамочка, как вам повезло... Вы не представляете, как вам повезло! У этого доктора золотые руки! Просто золотые руки!» — Александр Гаврилович показал коллегам растопыренные пальцы и захохотал: — Просто золотые руки...

В глазах Константина что-то мелькнуло, он засмеялся.

Абдурахман жил, как оказалось, не в собственном доме, а, будучи пришлым, в небольшой квартирке единственной на весь район пятиэтажки. Встретил он гостя при полном параде — одетым в национальный халат и с сынишкой на руках. Жену позвал:

— Ольга!

Вышла русоголовая, худенькая женщина с бледным, как бы застиранным лицом.

— Из Харькова, — пояснил, — учились вместе. Там и поженились. Ну, проходи, проходи...

Дома у него был сумбур — не восток, не запад. Из кухни тянуло борщом, а вместо достархана стояла восточная прогрессивная мебель — коротконогий стол с роскошным орнаментом. Ольга одно за другим принесла блюда, разложила и исчезла на кухне. Игорю стало неудобно:

— Может, пригласишь ее?

Хозяин посмотрел иронически:

— Ольга! — та, на мгновение показавшись, отрицательно мотнула головой.

— Вот видишь, — сказал спокойно Абдурахман, — я же знаю.

Выпили, поели. Откинулись назад на подушки. Абдурахман повернулся к гостю, заговорил горячо:

— У нас, у таджиков, свой путь, мы сильные. То, что вы предлагаете, нам не подходит.

Ремонт. Молодой памирец, не сообразуясь с собственными же взглядами, решил занять на стенах фотообои с березками. Позвал Игоря на помощь. Незатейливый гарнитур перетащили в спальню, начали работать. Во второй вечер Игорь вдруг заметил, что Ольга стонет, ходит согнувшись и держится за живот.

— Ольга, что с тобой, у тебя болит?

— Очень, — прошептала виновато.

— Абдурахман?

Тот сосредоточенно приглаживал нижний конец полосы обоев к стене.

— У твоей жены проблемы.

— Пройдут.

— Не знаю... Ольга, кровь есть?

— Да.

— Что вы там? — раздраженно возник Абдурахман. — Небось, понос прохватил, раскудаhtалась.

— Вызови «скорую», — мрачно сказал Игорь. — Я тебе говорю — вызови «скорую»!

Хозяин покраснел, но сдержался, вытер руки и стал набирать номер:

— Не отвечает.

— Ладно, я побегу за Алексеем Дмитриевичем.

Алексей Дмитриевич в своей обычной пьяно-расслабленной позе лежал на кровати. Ботинки не снял, рука с сигаретой внизу, еще немного, и одеяло подожжет.

— Лёшка, вставай!

Алексей лениво открыл глаза.

— У Ольги кровотечение.

Пружины заскрипели, Алексей спрыгнул, но на ногах не удержался, и его повело в сторону.

— Лё-ошка!!

— Заткнись!

Спустились, Алексей на выходе сунул голову под кран. Держал так с минуту, выпрямился и встряхнул волосами, брызги разлетелись.

— Теперь пошли.

В квартире Абдурахман у телефона. Ребенок на коленях.

— Где она?

— В спальне.

Алексей Дмитриевич шагнул внутрь. Игорь покрутился по квартире.

— Машина приедет?

Абдурахман дернулся, кивнул.

Вышел Алексей.

— Внематочная, — сказал отрывисто.

— Боже, гинеколог в отпуске!

— Значит я. Кто дежурный анестезиолог?

— Анестезиолог — памирец, — радостно ухватился Абдурахман.

Набрал номер — на другом конце, не дослушав, бросили трубку.

Абдурахман покрылся пятнами, еще раз набрал и стал кричать. Положил, сказал с усилием:

— Не узнал.

Подъехала «скорая». Женщину положили на носилки. Абдурахман не пошевелился. Игорь удивленно обернулся:

— Ты разве не едешь?

— С ребенком останусь.

Занесли, переполошив всех, носилки в отделение. Алексей Дмитриевич пошел мыться, а Игорь спустился, сел на скамейку и курил в насыщенной тишине. От ярко освещенных окон операционной падал свет, и листва рядом стоящих деревьев делалась особенно томной и нежной.

Алексей появился через полтора часа:

— Сигарету дай! — руки его вдруг мелко задрожали. Прикурил, затянулся.

— Ты что?! — с ужасом спросил Игорь.

— Да нет, нет, сделал.

Терапевт был на дежурстве, они открыли дверь, и одинокая лампочка без полутонов безжалостно выявила порядком надоевшее помещение с небранными кроватями и жалким личным скарбом. Алексей Дмитриевич неостановимо двинулся и схватил почти полную «Каберне»:

— Будешь?

Не дожидаясь ответа, запрокинул бутылку. Пил, пил. Кадык ходил мерно. Наконец медленно, очень медленно отнял бутылку от губ.

— Полезная штука, — сказал одобрительно.

Руки у него больше не дрожали.

Событие районного масштаба — напротив чайханы установили бюст: уходящий в знакомую лысину лоб... Около бюста деятели в мятых галстучных костюмах речи один за другим по бумажкам читают, сами себе хлопают. Вокруг, пронизанный сухим жарким солнцем, полуднем дрожит воздух.

На том же пятачке в гостинице окно настезь, доктора-товарищи на кроватях, а постоянный гость муалим на стуле и карты треплет. На столе дыня и, основной частью

натюрморта, яростный сорокаградусный кальвадос. Стаканы немывые, над стаканами отчаянная муха зигзагами летает.

Неожиданно, резко хлопая дверью, вбегает Света с дрожащими губами:

— Опять кто-то в окно заглядывал!

Александр Гаврилович геройски вскакивает первым:

— Да я их! Падлы! — Выглядывает наружу и пожимает плечами. — Никого.

Чучмеки трусливые!

Начинает утешать Свету:

— Солнышко, ну не бойся, ты же с нами, — обнимает, целует, еще раз обнимает и целует, и одновременно подмигивает муалиму.

Муалим разулыбался, цапнул кальвадос, плеснул в стакан и дразнит Алексея:

— Дернем, дернем, а?

У Алексея Дмитриевича под глазами мешки, весь он вялый, угрюмый:

— Давай!

Встал, влил в себя. Посмотрел, не удержался и уже сам взял остаток.

— Э-э-э, — завозмушался Александр Гаврилович, — а я?

Через неделю от сильного удара в дверь с визгом отскочила задвижка, и в комнату Светы вломились трое. Но Света была не одна. Уже давно увивающийся за ее теплыми грудками студентик был приглашен пить чай. Один из ворвавшихся, не сбавляя темпа, подскочил к нему и рывком выбросил в коридор. И все трое, не оборачиваясь, подступили к девушке. Но ухажер вдруг отчаянно заверещал из коридора высоким тонким голосом:

— Я Хамедов! Хамедов! Хамедов! Хамедов! Хамедов!

Трое застыли.

Завизжал еще громче:

— Вон! Если вы не уберетесь, я скажу папе! Папе! — и в отчаянии, так и не поднявшись, застучал хрупкими кулачками по полу.

— Папе? — обалдело переспросил Игорь.

— Папе.

— И... и что?

— Они ушли.

— Просто ушли?

— Да.

Света, бледная от переживаний, переводила взгляд с одного на другого и, казалось, сама себе не верила.

По такому случаю защитник был приглашен в гости, усажен на почетное место, и Сашка наливал ему водку.

— Все у вас хорошо, — разглагольствовал, — вот только жаль, баб за стол не пускают.

Гость усмехался, тонкое, нервное лицо его передергивало что-то вроде тика.

Но очень скоро растерявшая последние остатки кокетства Света опять пришла со своими проблемами:

— Ребята, этот мой Хамедов приглашает меня в Душанбе, — выпалила, — что делать?

— А ты?

— Боюсь. Он очень настойчив. Просто боюсь.

— Не едь, — Алексей лежал на кровати и смотрел в потолок, — тут хотя бы мы рядом.

— Точно, — поддержал Александр Гаврилович. — Чучмек, он и есть чучмек. Лучшие люди страдают, — хохотнул, — а ты бегаешь.

— Знаешь, — посоветовал Игорь, — ты все-таки жестко не отказывай, скажи: дежурств много, начальство строгое. Что-нибудь такое, ладно?

— Да, — та вздохнула с облегчением.

На следующий день стук в дверь. На пороге стоял худенький, высокий, нежный друг Светы. Не входя, он внимательно обвел взглядом повернувшихся к нему докторов:

— Пожалуйста, разрешите Свете поехать со мной.

— Нет, — резко отрубил Алексей.

— Да она сама, сама решает, — улыбаясь, пропел Александр Гаврилович.

— Заходи, заходи, чего стоишь! — усиленно приглашали.

— Спасибо, — юноша вежливо улыбнулся, и тут его лицо перекошил тик: — Должен предупредить, что если эта блядь со мной не поедет, вас всех убьют.

И плотно закрыл за собой дверь.

В комнате воцарилось ошарашенное молчание.

— Что ж такое! — растерянно спросил Александр Гаврилович. — Сейчас догоню и набью морду.

Но с места не сдвинулся.

Алексей, скрипнув пружинами, встал с кровати, и в тишине стало отчетливо слышно, как он наливает себе коньяк.

— Ваше здоровье, покойнички!

Толстые короткие пальцы главврача аккуратно перебирали четки, взгляд был укоряющ:

— Ай-я-яй... — запричитал, дослушав. — Ай-я-яй, какая нехорошая история! Вот только совсем не по моей части. Ума не приложу, что делать!

— Позвоните в милицию! — высоким голосом произнес Александр Гаврилович. — Покуда нас не защитят, мы работать не будем!

Главврач печально вздохнул, и его толстые пальцы стали неторопливо набирать номер:

— Джамил? Да, это я, да, да... Уже слышал? Они сейчас будут.

Милиция находилась в отдалении и занимала длинное одноэтажное здание. Рядом стоял газик, около которого, зевая, ходил шофер и изредка постукивал начищенным сапогом по шинам.

— Мужики, может, зря все это, ну подумаешь, пацан? — остановившись на пороге, неуверенно сказал Игорь.

— Вот его-то проучить и не мешает, — заметил Алексей.

Чуть не задев их плечом, вышел плотный человек в форме. Шофер замельтешил, засуетился, с поклоном открыл ему дверцу. Человек лениво зацепил врачей взглядом, не спеша устроился поудобней. Уехали.

У Игоря мелькнула догадка:

— Кто это был? — спросил у вышедшего милиционера.

— Как кто? — удивился тот. — Джамил.

Они оторопели. Света всплеснула руками.

— Как же так! — на резко побледневшем лице Александра Гавриловича диссонансом выделились по-прежнему пышные, чуть обвисшие усы. — Он же знал, знал, что мы здесь!

Бросились назад, но ни главврача, ни его заместителей на месте уже не оказалось. В отделе кадров пухленький человек, закрыв от удовольствия глаза, пил чай и сладко хрустел сахарком.

— Вы не могли бы нам дать домашний телефон Сеида Каримовича? — Попросил Алексей.

Пухленький человек удивленно посмотрел:

— Сеид Каримович этого не любит.

Алексей было попробовал объясниться, но Игорь зло потянул его за рукав:

— Пошли!

— А куда еще? — Алексей недоумевал.

— В райком! — отчетливо произнес Игорь, глядя на человечка.

Тот улыбнулся и опять потянулся к пиале.

Но в райкоме их встретили только запертые кабинеты и пустые коридоры с аккуратно протяннутыми ворсистыми дорожками.

— Ничего не понимаю! — растерялся Игорь.

— Идея! — Выкрикнул Александр Гаврилович и лихорадочно принялся листать записную книжку. — Помните председателя колхоза, что нас приглашал? Говорил мне обращаться в любое время! — Бросился к телефону на стене: — Алло? Алло?

Ему ответили, он стал возбужденно рассказывать, потом вдруг резко замолчал, ссутулился и, наконец, слабым, неловким движением повесил трубку.

— Он не поможет, — на лице его выступил пот. — Связываться не хочет. И нам не советует.

— Так с кем не связываться? — крикнул Игорь. — С кем не связываться? С пацаном?

— Что ты кричишь? Не знаю! Уезжать посоветовал. От греха подальше. Они ничего не боятся, — говорит, — уйдут потом в горы, ищи-свищи.

— Ну и пошли к черту! — сорвался Алексей. — Пусть сами своих баб лечат.

— Я тоже хочу домой, — робко сказала виновница происшедшего.

— Игорь?

Покрасневший от злости Игорь дернул головой:

— Останусь.

— Ты хоть понимаешь, на что идешь? — спросил Алексей Дмитриевич. — Проблема не в пацане, в них проблема. Вон, нашего муалима разлюбезного и след простыл. Неизвестно, что ждать.

— Не поеду, — упрямо повторил Игорь.

— Ну и дурак. Идиот-дурак, — сказал Александр Гаврилович.

К нему возвращалась привычная наглость.

На следующий день они уехали первым автобусом.

Прошел месяц. Главный таджик забрался еще выше, радостно хлопнул в ладоши, и в районе начались свадьбы. Под сенью чайханы, как на выставке, ввинчено сидели аксакалы, в гастрономе лежала неупотребляемая свинина, весь в блеске солнца протягивал в пространство теплую бронзовую руку новенький Владимир Ильич. Ну а Игорь? Его никто не трогал. Упрямый доктор работал, ел дыни, валялся со счастливо купленной тоненькой книжкой «Собачье сердце» на кровати, неспешная местная жизнь, больше не тревожа, текла мимо. Сотворивший такой переполох студент не появлялся, по слухам, отец задал ему большую трепку. Ольга выздоровела и заняла свое место на кухне. Каждый вечер заходил Абдурахман с сыном на руках, и они каждый раз медленно гуляли до его дома. Сияли близкие южные звезды, ночь дышала глубиной, начинался и легко дул свежестью прохладный ветер. Когда Игорь собрался уезжать, Абдурахман подарил ему большую книгу «Памир». И друзья как следует врезали кальвадоса, который, судя по печальному Ремарку, пили только хорошие герои, и который, кроме Германии, в изобилии водился лишь в ста километрах от Душанбе.

— Вот, — Абдурахман размахнувшись, наискось расписался на книге, — помни! Все ходишь, вглядываешься.... Думаешь, три месяца пожил, мой народ узнал? Думаешь, этого достаточно? — И неожиданно тревожно добавил. — Эх, знать бы, как еще все повернется.